

эти люди христіане, исповѣдывающіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія, — глядя на то, что они сдѣлали, неужели не упадутъ на колѣна передъ тѣмъ, кто далъ имъ жизнь, любовь къ прекрасному, и со слезами радости и счастья не обнимутся, какъ братья“.

Рядомъ съ этими серьезными мыслями — тщеславныя мечты о флигель-адъютантскихъ эполетахъ, получить которыхъ не удалось, благодаря солдатской пѣсенкѣ, сочиненной Толстымъ по поводу подвиговъ нашихъ генераловъ подъ Балаклавой и быстро облетѣвшей всю армію. Въ концѣ 1855-го года Толстой уже былъ въ Петербургѣ, навсегда покончивъ со своей военной дѣятельностью. Сравнивая впоследствии два періода своей военной службы, Толстой съ радостью вспоминаетъ кавказскій періодъ своей службы, какъ одинъ изъ лучшихъ періодовъ своей жизни. Пребываніе же въ Петербургѣ Толстой рассматриваетъ, какъ эпоху своего крайняго паденія.

IV.

Пребываніе въ Петербургѣ было второй послѣ Казанскаго университета неудачей Толстого. Онъ былъ всюду принятъ съ распростертыми объятіями: герой, авторъ чудныхъ разсказовъ, свѣтскій человѣкъ, — передъ нимъ раскрывались двери редакцій и аристократическихъ салоновъ. Толстой предпочелъ эти послѣднія и цѣлыми недѣлями пропадалъ въ гости у своихъ аристократическихъ тетусекъ и знакомыхъ. Кромѣ того немало увлекался кутежами, цыганами, картами.

Въ литературныхъ кругахъ онъ бывалъ рѣдко и съ писателями не сошелся. Такимъ образомъ Толстой остался въ сторонѣ отъ того освободительнаго движенія, которое вело къ освобожденію крестьянъ и великимъ реформамъ, онъ былъ чуждъ литературнымъ традиціямъ, озареннымъ не умирающимъ духомъ Виссаріона Бѣлинскаго. Нѣтъ достаточныхъ данныхъ, что-бы съ увѣренностью сказать, что статьи Бѣлинскаго были знакомы Толстому. Но Герцена онъ зналъ и относился къ нему вполне отрицательно. Тогда уже Толстой высказывался и противъ Шекспира, отрицалъ значеніе Пушкина, возмущался Жоржъ-Зандъ. Нельзя не сознаться, что на литературные кружки Толстой долженъ былъ производить не особенно выгодное впечатлѣніе. Самоувѣренный, рѣзкій, самобытный, со своими теоріями самосовершенствованія, равнодушный къ освободительному движенію, враждебный женской эмансипаціи, безъ капли пietetа къ великимъ авторитетамъ, — онъ не могъ не вызывать иногда чувствъ самаго искренняго раздраженія и антипатіи. Тщетно старался практичный Некрасовъ примирить всѣхъ сотрудниковъ своего журнала съ Толстымъ Его столкновенія съ Тургеневымъ подчасъ переходили въ открытую распрю и впоследствии перешли въ